

МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ТЕПЛОХОД И ЧЕЛОВЕК

Как создавался хрестоматийный образ писателя

Вадим Баранов

ОДНАЖДЫ в августовский полдень 1935 года к причалу горьковского порта подъезжает машина, и из нее на дебаркадер поднимается высокий, сутулящийся человек, стриженный ежиком. Слава Богу, на сей раз все обходится без налосевого ему бесконечно многолюдства. Ведь он приехал в родной Нижний (впрочем, теперь уже город Горький), чтобы в окружении семьи и близких еще раз прокатиться по Волге.

И вдруг — словно удар током. Надпись на борту теплохода: «Максим Горький»!

— Можно было обойтись и без этого, — хмуро роняет он.

ВОЛГА — РУССКАЯ РЕКА

Совсем недавно, 18 мая, в небе над Москвой потерпел крушение уникальный авиационный аппарат, носивший то же название — «Максим Горький». Люди из ближайшего горьковского окружения, знавшие о нарастающем конфликте между художником и вождем, не могли не задумываться о причинах катастрофы. Спустя годы решится коснуться этой тайны Луи Арагон в романе «Гибель всерьез». В сюрреалистическую ткань повествования вторгнется документально-биографический сюжет о смерти Горького и его похоронах. Ключ к пониманию причин горьковского ухода содержит постоянно сопровождающий сюжет зловещий, символически обобщенный образ убийцы. В тексте «горьковской» линии он имеет очевидную ассоциативную связь с гибелью самолета.

Что значила Волга для Горького, скажет Федор Шаляпин, получив известие о кончине

19 августа из Северного речного порта Москвы отправляется в однодневное плавание теплоход «Максим Горький», в кают-компании которого за накрыто привинченным к полу круглым столом соберутся ученые, писатели, критики, актеры, режиссеры, общественные деятели. Цель собрания — говорить, спорить и обсуждать фигуру Максима Горького, писателя, который остается актуальным несмотря ни на что. Лев Аннинский и Сергей Есин, Феликс Кузнецов и Анатолий Смелянский, Владимир Бондаренко и Наталья Иванова, Леонид Жуховицкий и Павел Басинский, Вадим Баранов и Виталий Третьяков — вот далеко не полный перечень тех, кто принимает участие в акции, на которой предстоит выяснить, куда ж нам плыть с Максимом Горьким. Отчет об акции читайте в ближайшем номере «НГ».

друга: «Что бы мне ни говорили об Алексее Максимовиче, я глубоко, твердо, без малейшей интонации сомнения знаю, что все его мысли, чувства, дела, заслуги, ошибки — все это имело один-единственный корень — Волгу, великую русскую реку, — и ее стоны... Если Горький шел вперед порывисто и уверенно, то это шел он к лучшему будущему для народа, и если заблуждался, сбивался, может быть, с этого пути, который другие считают правильным, это опять-таки шел он к той же цели».

Современники о нем: «омоносовской породы»; «не человек, а гоголевский Днепр», «океанический человек». Горький, безусловно, один из самых одаренных людей, которых когда-либо дарил миру Россия. Универсализм его мировосприятия подобен расширяющейся Вселенной. Самоучка, он поглотил бездну книг и своим энциклопедизмом и кибернетической памятью поражал академиков — специалистов в самых разных сферах научного знания. Общаться с ним, а уж тем более дружить почитали за величайшую честь представители интеллигентной элиты всего мира.

(Сказанное вовсе не означает, что Горького как художника надо возносить неведомо на какую высоту. Писатель он неровный, и наряду с гениальными встречаются у него и просто

неудавшиеся произведения. К ним я лично отношу и долго превозносившую советским литературоведением «Жизнь Климата Самгина». Впрочем, сам себя как писателя Горький критиковал сверх всякой меры. Уже стяжав мировую славу, продолжал твердить, что все еще учится писать по-настоящему.)

Породившая гения великая река — символ России и ее истории — стала свидетельницей начала его конца. Предчувствовал Горький, впрочем, приближение не только своей, но и другой катастрофы. Той, что сотрясет всю страну. Кровавый 37-й раскручиваться начал раньше: 1 декабря 1934-го — убийство Кирова в Смольном. Оно потрясло Горького: погиб очень близкий ему человек, политический лидер, ориентировавшийся на послабление режима. Вскоре, в декабре же, арестованы Зиновьев и Каменев, на которых звала вину за организацию невиданного преступления.

Горький высоко ценил литературное дарование Каменева и добился согласия Сталина назначить Льва Борисовича директором издательства «Academia», а также руководителем только что созданного Всесоюзного института литературы (впоследствии ИМЛИ).

В середине января публикуются обвинительные заявления обоих. А спустя еще не-

сколько дней в «Правде» появляется статья Д. Заславского «Литературная гниль» с разносторонней критикой той самой «Academia» за попытку издать «контрреволюционный пасквиль» Достоевского «Бесы». Только Горький отбил от атаки, как буквально на другой день — новое выступление «Правды», уже прямо против Горького и его позиции. Еще через три дня — грубое «Открытое письмо А.М. Горькому» Федора Панферова (того самого, которого Горький критиковал перед съездом писателей за лексическую малограмотность как выражение неграмотности общественной эстетической). Вряд ли случайно статья автора «Брусков» появилась 28 января 1935 года, в день открытия VII Всесоюзного съезда Советов, на котором оказалась и беспрецедентная ситуация, возникшая следом: Мехлис отказал Горькому в праве выступить с ответом Панферову. И это всего лишь малая часть того, что вызывало тревогу, гнетущее ощущение надвигающейся опасности.

О ЧЕМ ДУМАЛ СТАЛИН?

А о чем думал Сталин во время поездок на этом же теплоходе — и в той же самой каюте! — короткая история за бутылкой сухого вина?

Итак, Горького не стало. В таких случаях власть поступала двояко. Или она замалчивала имена погибших, погружая их во мрак забвения, или предавала анафеме, приписывая им массу немых злодеяний. Горького ожидала участь особая. И именно здесь, пожалуй, с наибольшей наглядностью проявлялся великое сталинское искусство манипулирования сознанием миллионов. Можно предположить, что Сталин решил оставить его на необозримый срок *первым писателем*.

(Окончание на стр. 10)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ТЕПЛОХОД И ЧЕЛОВЕК

(Окончание. Начало на стр. 9)

А в этом качестве — наравне с писателем — одним из проектов скорости, другие — намертво сидеть в своем гнезде...

Начало целостной программы увековечивания образа первого писателя было положено в связи с кампанией по возвращению писателя на родину: волна переименований, шквал приветствий, шумства чествований во время поездок по стране, небывалые по размаху юбилей 1928 и 1932 годов.

Блок политический вступил в действие немедленно — 20 июня 1936 года. Похороны. Ритуал с воинству государственным размахом. Траурный митинг на Красной площади. Речи Молотова, Булганина, французского гостя Андре Жиды, Алексея Толстого. (Неплохо сказал этот рабоче-крестьянский граф: у великих нет даты смерти. Есть только дата их рождения. Вот пусть теперь Алексей Максимович и живет новой жизнью.) Траурную процессию выноса урны с прахом возглавил сам вождь с выражением неподдельной скорби на лице.

1938 год. Политический процесс над лидерами право-троцкистского блока и центральной фигурой одного Бухариним. Именно его-то, самого близкого Горькому человека из политиков, обвинили в убийстве Горького и его сына, тем самым окончательно уничтожив нравственно. (Поднял руку на самого любимого народом писателя!)

Тот же 1938-й. Трехсоттысячным тиражом с молниеносной скоростью выходит книжка первого журналиста страны и друга Горького Михаила Кольцова: «Буревестник. Жизнь и смерть Максима Горького». Помимо идеи о неопределенном значении Ленина и Сталина в жизни Горького, автор, чувствуя надвигающуюся угрозу, был вынужден принять официальную версию об убийстве Буревестника бандой троц-

кистско-бухаринских двурушников. После выпадения соизаказав автор был немедленно арестован среди нас. То есть среди «серапионов»! Тех самых, что еще в 1921 году демонстративно провозгласили принцип аполитизма в искусстве. (Это неважно, что и сам Горький говорил тогда: «Искусство — вне политики». Неважно, что восхвалялся: «Книги Зошенко великолены»). Надо было отделить Горького от «серапионов», а их самих предать анафеме. Что и делают в постановлении ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград». А в своем докладе Жданов называет того же Зошенко «пошляком» и «подонком».

Блок художественный — 1937-й — год Пушкинского юбилея. Появляются статьи, в которых сопоставляются имена двух гениев российской словесности и подчеркивается разительное несходство их кончины. Поэта убила кровавая царский режим. Пролетарского писателя режим окружил невиданной заботой, помогал избавиться от ошибок, и именно этому обязан Горький своими невиданными достижениями. Автором двух таких пространств статей был Андрей Платонов, объявленный ранее Сталиным «кулакским писателем».

1938—1940 годы. Режиссер Марк Донской создает кинотрилогию по знаменитому автобиографическому циклу Горького. Особенно показательна трансформация замысла «Моих университетов». Написана повесть в 1922 году, может быть, самым трудным в жизни писателя, исполненным трагических переживаний и сомнений, после вынужденного отъезда за границу и конфликта с большевиками. Повесть полна драматизма исканий юноши в хаотической пестроте мировоззренческой неразберихи России на сломе эпох. Драматизма, приводящего к попытке самоубийства (в Казани в 1888 году).

Зато на экране бескомпромиссный борец с социальной несправедливостью, возглавляю-

щий «движение протеста» пекарей против кровавого будущего Семенова. У Горького обшествовался вперед и выше! Буревестник с высоко поднятым младенцем на руках — символ прекрасного будущего уже стопроцентная придумка-безвкусница режиссера. А история с булочной взята из повести «Хозяин», написанной еще в 1913 году, на Капри, в совсем ином творческом состоянии. Она, как тесто из квашни, вытеснила горьковское из сценария и превратила его в пропагандистскую поделку в духе ждановской модели соцреализма (которую опять же в избранном направлении приписывали Горькому).

1944 год. Господствует святой лозунг «Все для фронта, все для победы». А живописец В.Ефранов пишет полотно явно заказного характера «И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов у постели больного А.М. Горького». Комментарии не требуются. Впрочем, кроме одного. За работу Ефранов была пожалована Сталинская премия. Так же, как и Марку Донскому.

1951 год. К 15-летию со дня смерти писателя на площади у Белорусского вокзала воздвигается величественный монумент с надписью: «Великому русскому писателю Максиму Горькому от правительства Советского Союза. 10 июня 1951 г.»

Наконец, мероприятие совершенно особого рода, в котором блок художественный непосредственно перерастает в политический. После победы над Германией, в целях обеспечения выхода на международную арену в 1948 году разрабатывается проект учреждения международной Горьковской премии — в противоположность Нобелевской.

Блок научный. 1938 год. Выходит книга молодого (27 лет) литературоведа Бориса Бялика на тему «Горький и драматургия». Нет, в ней не было ничего, к примеру, о борьбе Горького за по-

становку пьесы Михаила Булгакова «Бег», которой он предсказал «наибольший успех». Или — о том, что стоило: «Ложь», «Страх». Одну из них взялся было отредактировать сам Сталин...

В 1947 году тот же автор откроет наконец тему, образного воплощения которой вождь так и не дождался от первого писателя: «Горький и Сталин». Фактов не хватало, поэтому использовалась «гипотеза». В 1892 году будущий Буревестник революции и будущий великий вождь могли не то чтобы встретиться — хотя бы оказаться в одной толпе на площади в Тбилиси, где судили преступников. Сердца будущих друзей билась в унисон при виде торжества насилия над угнетенными. А если бы писатель сумел все-таки реализовать замысел своей книги о Сталине, то не могло быть никаких сомнений: родился бы шедевр, который не только украсил бы творчество Горького, но и всю литературу.

Что касается темы «Горький в борьбе...», ее продолжили многие, нередко вынося эти слова в заголовки своих работ. Одновременно станут усиленно разрабатывать идею о колоссальном позитивном вкладе писателя в пролетарскую литературу и в разработку ее идейно-эстетических основ. Поощряя канонизирующие Горького сочинения, прерывали подлинно научные, основанные на реальных фактах жизни Горького и эпохи исследования, как, например, книгу Ильи Груздева «Горький и его время». Отковывался, шлифовался, монтировался в цехах сталинского пропагандистского ведомства миф о Горьком — певце режима.

ТОРЖЕСТВО АНТИМИФА

Естественно, однако, что мифотворчество не могло не вызывать скептического — по меньшей мере — отношения в среде западной либеральной интеллигенции по ту сторону железного занавеса. Вот как описывает Макс Фриш

свое впечатление от поездки по Волге, организованной Союзом писателей в 1968 году: «Пленум на палубе. Сидим в наушниках. Чайки. Каждый оратор говорит о Максиме Горьком как пролетарский писатель, как основоположник социалистического реализма. Постепенно я начинаю понимать (без наушников) по-испански, по-румынски, по-португальски, по-фински, даже на языке, который не могу разгадать. Максим Горький и его конфликт с Лениным, его эмиграция после революции, Максим Горький и Сталин, писатель и государственная власть — об этом ни слова». Во время роскошного банкета вечером «некий усердный румын сперва напоминает в микрофон, что Максим Горький был пролетарским писателем, является таковым и таковым останется. Пожилый господин из Праги уверяет в этом; какой-то индиец это подтверждает».

Тогда же начала рождаться книга, которой суждено было сыграть в крушении тоталитарного режима такую роль, какую никогда и нигде не сыграла книга в политической борьбе какой-либо страны, — «Архипелаг ГУЛАГ». В 1974 году она выходит в Самиздате и на Западе. Критику Горького Солженицыным подхватывает журнал «Континент» и выносит на обложку призыв начать суд истории над многими явлениями и лицами советского прошлого, и в первую очередь над Горьким. В конце концов задача каждого суда — выяснение истины. Редакция журнала и его руководитель Владимир Максимов и предполагают не могли, какие формы судилища приобретут иные публикации в России...

XX век богат на парадоксы. И может быть, са-

Писатель на палубе теплохода своего имени.

мый потрясающий из них состоит в том, что в плену сталинской концепции оказался самый решительный ниспровергатель сталинизма, всей своей судьбой выстрадавший право на его бескомпромиссную, уничтожающую критику. Солженицын тогда не знал много, до чего мы докопались сегодня. Он вонзал копье своей критики не в реального врага прогресса и демократии, который якобы аж воспел бы и кровавый 1937-й, а в того двойника, который был вращен под личным руководством гениального мистификатора-риксосносителя. (О Солженицыне — оппоненте Горького см. в моей статье «Все ли дозволено Юпитеру. К истории одних преждевременных похорон» — «Кулиса НГ» от 27.03.98). Продолжение парадокса: последователями Солженицына в ниспровержении Горького оказались в первую очередь общественные «заблуждения, то скоро оно обернулось фарсом.

